

На острове Фемискира, в садах Персефоны...

Алкионе в ярости топала по Садам Персефоны, не обращая внимания на то, сколько невинных цветов было погублено в результате ее разрушительных действий.

Она знала, что Энона будет в ужасе от бессмысленного уничтожения ее драгоценных растений, но в данный момент, да и в любой другой момент, Алкионе было плевать на чувства ее соратниц-амазонок.

Только чувства одной амазонки имели для нее значение, и это были ее собственные чувства. Она была в ярости, и бессмысленное разрушение было единственным, что успокаивало бушующее пламя в ее сердце, и многие изрезанные манекены для атак на тренировочных площадках Афины за эти годы могли поручиться за этот факт.

Меньше часа назад они с Ипполитой наслаждались прекрасным поединком во дворе дворца, и для Алкионе звуки лязгающих мечей были райским хором, а ее королева никогда не выглядела так царственно и красиво, как в разгар битвы, королева воинов, рожденная править и нести смерть в мир людей со своим доблестным капитаном рядом.

Но тут в их поединок вмешалась фрейлина королевы Сидиппа, которая привела с собой королевских детей, из-за чего королева резко прекратила их дуэль. "Ты видишь, что я востребована, Алкионе, прости меня, сестра". Не дожидаясь ответа, Ипполита повернулась и с материнской поспешностью бросилась к целительнице, оставив Алкионе стоять во дворе в одиночестве с непривычным чувством поражения, несмотря на то, что она фактически выиграла последний раунд.

Личное ощущение триумфа, которым она так недолго наслаждалась, стало горьким во рту, когда она поняла, что последний раунд действительно был их последним раундом на сегодня.

Поэтому, чтобы побыть наедине со своими горькими мыслями, она отправилась на долгую прогулку по дворцовому саду, надеясь, что это поможет улучшить ее дурное настроение, но оно только ухудшилось, когда она услышала характерный звук детского смеха и игры неподалеку.

Затем над листвой раздался знакомый голос, который был музыкой для ушей лысой женщины: он был чистым и смеялся в явном веселье. "Нет, нет, Кал, у этих роз острые шипы, ты же не хочешь порезаться об них, правда, моя маленькая Падающая Звезда?"

Короткая улыбка Алкионе превратилась в суровый оскал, когда она услышала, как ее королева называет своего... сына отвратительно ласковым прозвищем, которое она так любила произносить даже в присутствии своих соратниц-амазонок, как бы позорно это ни было для королевы воинов.

Несмотря на свое отвращение, Алкионе держала свои мысли и чувства по этому поводу при себе. Она знала, что все это было лишь частью игры, которую Гера приказала королеве разыграть перед сестрами, - той самой игры, которую они все должны были разыгрывать сейчас для видимости; она отказывалась верить, что ее королева действительно... любит мальчика.

Она с ненавистью нахмурилась, услышав сквозь кусты голос мальчика, который еще был так мал, что не мог составить связных слов, но Алкионе все же удалось уловить общий смысл. Ребенок хотел прикоснуться к цветам, и да будут прокляты острые шипы.

Алкионе хотелось, чтобы это жалкое маленькое существо порезалось об острые шипы и истекло кровью, окрасив зеленую траву сада в красный цвет, но у сестер судьбы, похоже, были другие планы на мальчика, и она услышала, как Ипполита сказала полусерьезным тоном назидания. "Нет, нет, хватит об этом Кале, мы возвращаемся к твоей сестре и Кристо, хорошо?"

Несмотря на то, что Алкионе было лучше знать, она заглянула за куст как раз в тот момент, когда ее королева повернулась, чтобы уйти: любопытство капитана было слишком сильным, чтобы иногда игнорировать его ради собственного блага.

Ипполита не видела ее, когда уходила, но мальчик точно видел: его юное личико выглядывало из-за плеча королевы, и Алкионе с некоторым негодованием впервые осознала, что с его хохолком вороных волос, прижатым к полуночно-черной гриве ее любимой правительницы, ребенок действительно выглядел так, словно мог родиться из тела самой королевы.

От такой неприятной мысли капитану захотелось разрыдаться на все прекрасные розы сада.

Мальчик, которого все амазонки на острове, включая саму Алкионе, теперь должны были считать своим драгоценным принцем, продолжал смотреть на нее через плечо королевы с удивительной силой, его голубые глаза, которые, казалось, всегда светились при определенном освещении, сосредоточились на ней и только на ней, когда он внезапно затих на руках у матери.

Это обеспокоило капитана больше, чем она хотела бы сказать: ни один ребенок, особенно такой маленький, не должен быть настолько осведомлен о своем окружении, настолько бдителен в отношении потенциальных угроз, и все же этот маленький полубог заметил ее, прячась в кустах, как Немейская львица, отслеживающая добычу.

Бесшумно передвигаясь по саду сквозь листву, параллельно шагая за королевой, Алкионе последовала за ней в более открытую часть дворцовых садов, где возвышался большой, красиво оформленный фонтан и несколько каменных скамеек вокруг него, на которых принцесса и щенок волкодава играли в догонялки.

Ипполита позвала их обоих, усадив мальчика на траву в саду, и щенок тут же бросил палку, которую нес в пасти, и помчался к мальчику, который приветствовал его радостным хихиканьем.

Принцесса Диана тем временем бросилась обнимать свою мать, которая с любящим смехом подхватила ее на руки, после чего мать и дочь наблюдали, как мальчик и его собака игриво катаются по траве.

Ипполита обратилась к дочери, которая с восторгом слушала все, что говорила мать. Алкионе, напротив, не слышала ничего из того, что говорила королева, она была слишком сосредоточена на дочери, а не на матери.

Даже в столь юном возрасте любому, кто видел ее, было ясно, что принцесса однажды вырастет в поистине прекрасную женщину, как и ее мать, на которую она так похожа, чего же еще можно было ожидать от дочери королевы и тем более от амазонки, созданной руками самих богинь.

Но в этот момент Алкионе затаила дыхание, пораженная красотой девушки: солнечный свет освещал ее изящное лицо, ясные голубые глаза, как у матери, загорелая кожа и растущее атлетическое телосложение привлекали внимание.

Линии ее скул затмевали даже узость скул возлюбленной Алкионы Финей, а блеск ее черных волос мог соперничать даже с роскошной гривой Ипполиты, а длинные воронные волосы Ипполиты были одной из тех вещей, которые капитан круга больше всего любила в своей королеве.

Когда-нибудь, принцесса, когда-нибудь, подумала она, Диана не вечно будет маленькой девочкой, когда принцесса наконец достигнет совершеннолетия, дочери королевы понадобится достойный воин, чтобы сделать из нее настоящую женщину-амазонку, и кто может быть более достойным, чем она, Алкионе, капитан Круга королевы и самая верная сестра ее матери, она не сомневалась, что Ипполита согласится на это после всех лет ее верной службы.

Но сначала я должна завоевать мать, прежде чем смогу потребовать дочь. Я заслуживаю не меньше, чем королева и принцесса...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/105305/3720752>